

Екатерина Наговицына

Екатерина Семёновна Наговицына родилась в 1978 году. Училась в Академии государственной службы при Президенте РФ, закончила Московский юридический институт и Государственный университет им.Ельцина. Участник боевых действий на Кавказе. Майор спецподразделения МВД России. Награждена Орденом Мужества. Автор прозаических произведений о проведении контр-террористических операций в горячих точках. Лауреат литературного конкурса МВД России «Доброе слово» (2011 и 2013 год). Победитель международного конкурса «Славянские традиции». Автор многих публикаций в центральных и региональных литературных изданиях России.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

А у смерти оказался на удивление приятный женский голос. Невесомым ветерком, слышным только мне, шепнул обжигающее:

– Ты убита, – и в тот же миг ледяная сталь скользнула по моей шее. А может, сначала было прикосновение металла, а уже потом – слова. Кто ж сейчас разберет.

И не оборачиваясь, заскользила дальше, больше не интересуясь мной. Душу наполнил беззвучный протест, но что толку в бесполезном споре? Оставалось только признать поражение, обескураженно глядя, как идет смерть все дальше и дальше, помечая воюющих меткой выбывших.

Смерть в облике невысокой, худощавой девушки, чуждой войне, но все же неотвратимо присутствующей здесь, она не просто находилась – она воевала. Бесшумно подкрадывалась со спины к увязшим в бою бойцам и скользящим движением клинка обрезала жизненную нить, даже не заглядывая в полные непонимания глаза. Не любопытно ей было наблюдать, как оторопь сменяется секундами внутреннего сопротивления и паники: «Нет! Не хочу! Не надо!», и тут же наступает покорное безмолвное повиновение. Смерть шла вперед, уничтожая наш взвод. Она торопилась. И она победила. Взвода под кодовым номером «32-й» не стало.

За несколько часов до нашей гибели...

Сквозь морозящую хмарь дня, мы вчетвером, стоя за брошенными бетонными блоками, разглядывали находящиеся вдалеке уцелевшие здания торфобрикетного завода, передавая друг другу бинокль. Плохо различимый через зависшую почти без движения водяную пыль, через черные ветки деревьев, в обрамлении низких туч и пластилиновой мяши, завод не выглядел привлекательным объектом для посещения. А если еще к виду осенней распутицы прибавить непрерывный стрекот стрельбы, хлопки гранат и чадающие клубы дыма, то удовольствие от присутствия при штурме казалось совсем сомнительным.

Разгоряченность от недавних перебежек прошла и на смену ей начал подкрадываться озноб, колко пробегающий по спине, переходя в дробный перестук зубов.

«Черт, не хватало еще простыть», – промелькнуло в голове. Посмотрела на остальных. Слева стояли старые приятели и сослуживцы Жека и Чек. Жека в старом заляпанном грязью камке, погрузившись в какие-то раздумья, неосознанно теребил мочку уха. Он всегда так делал, когда предстоящая задача казалась ему затруднительной. Мастер спорта по скалолазанию, участник еще первой чеченской кампании и мой напарник, он был немногословен, умен, удивительно интеллигентен, что абсолютно

не вязалось со сложившимся стереотипом участника боевых действий и спортсмена. В отличие от него, Чек был образцовым представителем агитплакатного ВДВшника – здоровый, под два метра роста лысый детина, в выцветшей, застиранной «горке», в камуфлированной бандане, прикрывающей кривой шрам на лбу от неудачно разбитой несколько лет назад бутылки. Службу начал, как и Жека, в тяжелом девяносто пятом, что в свою очередь помогло бесшабашному Чеку в прошлом году, все таки «с горем пополам» закончить юридический институт. Правда исключительно благодаря смекалке, изворотливости и врожденному актерскому мастерству, умело играя на чувствах преподавателей к чудом уцелевшему пареньку, повидавшему лиха войны. При этом военную службу он уважал, чтит традиции и любил, цветасто перемежая речь шутками-прибаутками, рассказывать про тяготы и лишения полной приключений, жизни. Сейчас же он пристально вглядывался в бинокль, пытаясь угледеть брешь в обороне противника.

Я перевела взгляд вправо. Недалеко от меня стоял «молодой»: Артем Кривиргин, паренек восемнадцати лет от роду. Узнав о предстоящем выезде, он чуть ли не со слезами на глазах уговорил взять его с собой, до конца не отдавая себе отчета, куда мы направляемся. Об этом он, несомненно, за минувший день не раз пожалел. Зубы его так же отбивали чечетку, и, судя по тому, как он вглядывался в еле виднеющиеся здания, отнюдь не от холода.

А здания были укреплены как надо. Чувствовалась рука профессионала, знающего толк в обороне. Мешки с песком перекрывали выбитые оконные проемы, замаскированные позиции для стрельбы и невидимых для стороннего взгляда снайперов. Прилегающая территория простреливалась таким шквальным пулеметным огнем, что обострившееся чувство самосохранения просто стонало от абсурдности самой идеи штурма.

Мы устало уселись за блоки, блаженно вытянув ноги в размокших берцах. Находясь вне зоны поражения, понимали, что краткой передышке скоро наступит конец. Все зависело от того, насколько быстро до нас доберется сильно растянувшийся, уже изрядно измороженный за этот день взвод. Рация, настроенная на общую волну, трещала руганью в бестолковой попытке скоординировать наступление. В бой уже ввязались другие группы, за пару часов положив около сотни бойцов, шатко заняли подступы к укрепрайону в отчаянии пытаюсь удержать, удержаться, понимая, что о захвате крепких кирпичных зданий на данный момент не может идти речи, и, с матом в эфире, просили помощь.

– Вот ведь! Как у грозненского вокзала, – прикуривая в ладошку, щурясь от дыма, прохрипел Жека. Подобные крики и мольбы ему были не в диковинку. В отличие от Артема, которому было до тошноты дико, и страшно, и лихо от понимания, что предстоит нам ввязаться в драку, из которой десятками выходили «двухсотые».

– А может, не пойдем? Дело-то гиблое. Вот соберемся все, и решим, – робко предложил он, еще раз осторожно выглянув из-за укрытия.

– Ага, проголосуем. Тут, паря, не выборная компания. Здесь типа война, едрён-качергон, если ты вдруг не заметил, куда приехал, – усмехнулся Чек, удобнее усаживаясь на рюкзак. И тут же восторженно прогудел:

– Ёк-макарёк, лихо зажигают ребятки! Пряма как тогда. Жека, помнишь?

Женька рассеяно кивнул, явно находясь сейчас в каких-то размышлениях. Служили они с Чеком так давно, что подобных ситуаций в их боевом опыте было предостаточно.

– Каста, зашли-ка прополоскать горло, – пробасил Чек.

Вытянула из разгрузки фляжку и не вставая, перекинула ему в руки. Двигаться не хотелось, я удобно привалилась спиной к блоку. На рефлексе отстегнула от АК магазин, добила и щелчком вернула на место. Затем проверила магазины в разгрузке, гранаты в подсумках. Одна потерялась, когда кувырками уходили от засады через овраги-буераки. Чудом ноги унес наш дозор, иначе не сидели бы мы здесь в ожидании своих, а мерзли бы в мертвецкой. Гранату было жаль, их всего оставалось четыре, и утрата одной была заметной потерей. Но обидней всего, что зряшной. Всё-таки страховочные клапаны надо закрывать на клепку, не надеясь на уже порядком изношенные липы.

Артемка глядя на мои манипуляции с боекомплектком, начал суетливо проверять свой, по несколько раз перекаладывая заполненные магазины в разгрузке то зацепом вниз, то вверх, то разворачивая под правую руку, то под левую.

Я усмехнулась:

– Да не суетись ты! Главное, чтоб во время боя мог максимально быстро достать и перестегнуть магазин. А это дело тренировки и наработки, которой у тебя все равно нет. Поэтому в любом случае будет неудобно и коряво.

– Вот, вот, поддерживаю! – сделав несколько крепких глотков, важно сказал Чек, – Знаешь, какая у меня зачетная ситуация была в девяносто пятом! Мы тогда в Грозном на «чехов» налетели. Бой, движуха понеслась, атас. Мне Жека орет: «ёб...ргг...», ну в общем, зайди им с фланга! Я на рывок, перебежками, отстреливаясь...на ходу, враз опустевший магазин, меняю... Только за угол завернул, а там – екарный бабай! – на меня вахха выскочил, тоже типа с бока к нам в гости решил зайти. Вижу, мыслим мы с ним в одну гребаную параллель. Друг на друга автоматы. И, вот прикинь, в момент, этсамое, истины у меня магазин отпадывает и тюк, падлюк, меня по берцу. Это я по запаре лажанул, но факт налицо – стою, как лошарик зеленый, в калаше – ноль! И ты знаешь, запомнил усмешку этого упыря: ну, типа, всё, рус, ща я тя убивать буду! Щёлк – а в ответ тишина! Он пока до места «Ч» добирался, видимо, тоже хорошо в гашетку вдавил и магазин у него хоть и на месте, но пустой как эта фляжка, – и Чек перекинул ее мне обратно в руки.

– Вот ведь, прорва! Последнее вылакал! – проворчала я.

Артем в нетерпении заелозил, всем своим видом демонстрируя желание услышать продолжение.

– Давай уже, учи молодежь, не томи, – подтолкнула я Чека, но тот изобразил просительно-печальное лицо и покосился в сторону Жеки:

– Эй, а у тебя во фляге чё?

Женька, неторопливо покуривая, ответил коротко:

– Не дам.

– Вот ведь, жук! – Чек притворно вздохнул, – Так вот, стоим, значит, в полный рост, друг напротив друга, как на школьных танцах, не понять, чё делать, ступор. Я ему киваю на его разгруз и говорю, что, мол, давай дуэль: на счет три, кто быстрее, тот и в дамках. И считаю – раз! два! три!

– И? – не вытерпел Артем.

– А что, и? Пока он магазин из подсумка выдергивал, я ему со всей дури с размаху по башке прикладом зарядил. Его как автогенном срезало. Вот так вот, Тёма-Артема.

– Мораль следующая: соображать надо быстрее, чем оружие перезаряжать! – изрек Жека назидательно.

Я усмехнулась. Травить байки умели здесь все трое, а Артем с жадностью впитывал все эти байки.

– Соображать, конечно, хорошо, – протянула я, – да вот друг наш Евгений чаще на интуиции выплывал. Слушай, Артем, еще одну историю. Было это в далеком 2002 году, группа наша на выезд собиралась, выпало нам сопровождать колонну на замену. А командир решил Жеку оставить по «видимости плохого самочувствия».

– У меня температура была, – тут же вставил Женька.

– Ага, знаю я эту температуру после трофейного коньяка, нам-то эти басни не пой! – хохотнул Чек.

– Суть в том, что накануне Жека был на выезде и встретил в Ханкале двух парней с разведроты, которых по срочке знал. Слово за слово, ну и отметили это дело, а по возвращении к месту расположения нам Евгения Леонидыча из машины выносить пришлось. Командир Валерьяныч тогда на это глянул и определил, что завтра этот крендель в наряд на «блок» к «вованам» заступит, в усиление.

Дальше, как в поговорке – сон алкоголика крепок, но краток. Очухался наш Жека в пять утра в весьма дурном расположении духа, а тут еще его на боевой не берут, оставляют на блок-посту киснуть под жарким летним солнышком. В общем, быстро помылся-побрислся, чайком отпился, собрался – и к Валерьянычу, упал тому в ноги, мол, не губи, отец родной, и всё такое.

– Ерунда! Не было такого! – возмутился Женька, – я пришел и сказал, что у меня предчувствие, что нельзя мне на «блок», пусть возьмет меня со всеми. А интуиция для спеца – не последнее дело!

– И уговорил. Поехал со всеми, пообещав отстоять потом два наряда вне очереди.

Вдруг, прервав рассказ, рядом что-то внушительно рвануло, да так крепко, что мы втянули головы в плечи. Совсем близко застрочили пулеметы. Мы ошарашено посмотрели друг на друга и, подхватив автоматы, осторожно выглянули из-за своего укрытия.

– Чё за хня? Линия фронта сместилась? – недоумевал Чек.

– Жека, свяжись с народом, что происходит? – крикнула я оборачиваясь, но Женька уже кому-то орал по радиации, что на позиции подскока находится только головной дозор, то есть мы, а основная группа на подходе. Поэтому, на данный момент «32-й» поддержать не может, нечем. Но как только, так сразу!

– Что там? – спросил бледный Артем.

– Да нормально всё, десантура подошла и что-то там из своих запасов рвануло, у них кулибиных хватает. Пошли на штурм, нас зазывают. Черт, где же наши? Должны уже быть.

– Дык сам же их от засады на несколько километров в сторону завернул!

Стрельба поутихла и перешла в уже знакомую тональность дальнего боя.

Мы опять привалились к бетонным плитам. Женька снова прикурил. Артем посмотрел на него, затем на Чека, и вопросительно уставился на меня:

– И чем дело кончилось?

– Какое? – не поняла я.

– Ну, поехал Евгений на выезд...

– А! Ну да. В общем, колонна наша на засаду нарвалась. Обстрел. Мы из машин выпрыгнули, отстреливаемся непонятно куда, через зеленку ничего не видно, и тут Женька как заорет: «Ааа!» Я к нему, а он на земле лежит и, значит, стонет, да грустно так... Глаза полны предсмертной тоски. За руку меня схватил и просит, не бросай, мол, меня, чувствую, что в спину попали, помираю. И на самом деле, глина под ним натурально так темнеть стала. Я ему, как положено, говорю, что потерпи братка, сейчас перевяжу, промедол вкачу, а потом прилетит волшебник в голубом вертолете. И сама с него разгрузку стягиваю, перевязочный пакет зубами рву, на бок его заваливаю, чтоб рану перевязать. А у него уже вся спина мокрая! Я ему ору, чтоб держался и на подозрительный яркий свет не ходил, и что всё будет хорошо. А он мне в ответ уже бредит, что-то про собаку свою рассказывает, и как однокласснику в десятом классе поцеловал, но не женился, подлец. В общем, чую, мы его теряем. И тут вдруг мне тоже как-то тепло и сыро становится. В непонимании осматриваюсь. Душу начинают терзать сомнения... Прекращаю оказывать помощь и в смутных догадках приподнимаю валяющуюся рядом разгрузку. С сухарки сочится мутная такая струйка. Открываю ее, а самой уже понятно и смешно, что все не так, как мне на секунду почудилось. И ты представляешь, вытаскиваю пробитый термос, а из него кофеёк, сладенький, горяченький вытекает, прямо на Женькину спину! И я с этого дела уже не церемонясь, задираю ему футболку, а у этого стоноты – ни царапины!

– Это психосоматика! Это же невообразимо страшно, когда по спине щелкнуло и сразу теплое потекло! – тут же вставил Жека.

– Я от облегчения тогда как заору на него, что если он будет дальше сознание терять, то мы его запишем в дезертиры, а дальше по закону военного времени расстрел к чёртовой матери! Так ведь Евген наш не сразу из образа вышел, возмущался еще несколько минут, Станиславский недобитый! Но смех смехом, а суть в том, что при этом обстреле у нас потерь не было. А вот на «блоке», куда Жека должен был заступать, один «двухсотых» и три тяжелых «трехсотых». Шахид на машине, начиненной тротилом, на таран пошел. Вот такая история про важность интуиции в нашем деле.

Артем уважительно покосился на Женьку, тот в свою очередь изобразил значительность на лице, неторопливо достал из своей разгрузки фляжку и протянул ее мне:

– Хорошо рассказала. Душевно.

Чек тут же пересел ко мне поближе.

– Только, Артем, на одной соображалке и интуиции в нашем деле далеко не уедешь. К этим составляющим хорошо бы еще...

– Профессионализм! – радостно вставил Артем.

– Профессионализм со временем нарабатывается, если тебя сразу не спишут на боевые потери.

– Патриотизм?

Жека усмехнулся:

– Его, юноша, до службы иметь надо, чтоб понимать, за какую идею воюешь. Тут, дорогой Артем, нужно еще определенную дерзость иметь, способность совершить поступок. Приведу пример: вот сидит наша скромная Каста, дурного слова почти никому не скажет, вежливо напиток попивает, в отличие от прочих... – и скосился на Чека, который тут же отдернул протянутую ко мне руку.

– Так вот, был случай, поступила конфиденциальная информация о том, что в кафе «Незабудка» ожидается сбор бандитов некой национальности, порядка двадцати человек. Приедут, как у них говорится, «вопросы решать» по криминальным делам. Руководство прикинуло, оценило, и дало приказ – бандюков взять в плен. В назначенное время подъехали к кафе на двух «Баргузинах», встали невдалеке. Ждем-с. Вернулся с рекогносцировки опер и сообщил, что кафе закрыто на спецобслуживание и внутри полно бородатых, – значит, надо брать. А у нас уже всё на старте. В одном «Баргузине» первая, основная группа находится, которая по команде заходит с черного хода. А вторая, в другой машине, секундами позже работает на центральный вход, с контролем, чтобы после начала операции через парадную никто не начал выходить-заходить. Мы с Кастой к этому времени уже двойкой работали. Определили нас на центральный вход. Дали команду, все рванули по своим направлениям. А на улице красота – весна, гололедица, вечер, темнотища такая, что хоть глаз выколи. И вот по всей этой красоте бежим мы, тоже не абы как, все в черной форме, броне, разгрузках, в масках и с автоматами в руках. Для стороннего мирного взгляда – картина, полагаю, захватывающая! Сразу, недалеко от машины, один из наших растянулся, поскользнувшись на подмерзшей к вечеру луже. У меня в голове мысленно счетчик сработал – минус один. От заборчика нам на встречу двое охранников метнулись, на них ещё четверо бойцов, грамотно сработали, без лишних разговоров в сугроб загрузили. Я мысленно продолжаю – минус четыре. То есть, на вход мы уже вдвоем несемся. И, взбегая на крыльцо, вижу следующую картину: стоит дядя и прям у перил, делает свое мокрое дело, как будто туалета ему нет. Я в возмущении притормозил, памятуя о приказе никого не выпускать. А Каста, видя такое деликатное дело, дальше, внутрь пронеслась. Уже когда этого писаря наручниками к перилам прикручивал, математически прикинул – было нас семеро, первый упал, четверо сейчас пакуют охрану, я тут. И меня вдруг осеняет, что на штурм ушла одна подруга наша боевая. Аж в жар кинуло! Я за ней. А там уже всё в полном порядке: злодеи дисциплинированно стоят, молчаливые и задумчивые. В этот же момент со стороны кухни основное движение пошло – первая группа забежала, за ними опера, далее по сценарию – веселье началось. Главное в следующем: когда Каста входную дверь ногой открыла, то на нее из-за столов в непонимании уставилась вся эта кареглазая братва. И до нее мгновенно дошло, что основная группа запаздывает, а в спину из своих никто не дышит, и что стоит она в дверном проеме, суровая и нарядная, в броне и маске, с пистолетом в руках, но абсолютно одинокая. Кто-то, может быть, и растерялся бы, но не наша Каста! Мгновенно прикинув что патронов, очевидно, на всех не хватит, как рявкнет:

– Всем встать!

И, что характерно, от наглости такой все присутствующие встали! Ну вот посуди сам, что здесь победило при соотношении один к двадцати: пистолет в руках, ум или интуиция? Нет! Только дерзость! Так что, мотай на ус свой молодой, товарищ Артем.

– Ща бы бутер с колбасой, – протянул Чек.

– А лучше – два, – отхлебывая из изрядно полегчавшей фляжки, сказала я, и скосила взгляд на Тёмин рюкзак, – Артемушка, вот мы тебя весь день жизни учим, истории разные рассказываем, а ведь хотелось бы какой-никакой отдачи, лучше тушенкой.

Чек с людоедской улыбочкой кивнул. Но в момент, когда Артем начал непослушными закованными пальцами открывать клапан, рация затрещала знакомыми позывными, и через несколько минут из леса короткими перебежками подтянулись наши.

– Пожрали, на фиг, тудым-судым! – заворчал Чек.

Рядом плюхнулся командир взвода, Тимофей, весь грязный и изрядно замотанный:

– Капец, заслоны кругом. Еле просочились, хорошо, хоть вы предупредили вовремя! Да еще рация, зараза, села. Каста, дай матюгальник, спрошу чё да кого.

– А чего-кого, вон наш последний и решительный бой, – указал большим пальцем себе за спину, в сторону далеких зданий, Чек.

Я протянула рацию и фляжку. Тимофей быстро сделал выбор, жадно отхлебнул, довольно крякнул, и, выглянув из-за укрытия, попробовал оценить предстоящую перспективу:

– И что у нас там?

– Там у нас просто праздник какой-то. Судя по всему, потери уже превысили двести единиц, а враги, очевидно, как огурчики в банке, только пылью покрываются. Без артиллерии я не представляю, как эту Бастилию брать, – ответил Женька, докуривая очередную сигарету.

– Мдаа, а может, как тогда? – спросил командир, скосив взгляд на вьющийся сигаретный дым.

Женя неопределенно кивнул:

– Можно как тогда, – и, щелчком отправив в полет окурок, добавил, – Каста с «молодым» уже провели разведку местности. Там недалеко люк от старых подземных коммуникаций. Выход непосредственно на территорию. Но только что дальше будем делать? Если этот люк на том берегу держат, то при выходе по одному будут отщелкивать.

– Ну а если нет? Переговорим с соседями, они огонь на себя, в сторону перетянут, в это время двойка вскрывает люк и прикрывает выход еще двоих, те сразу к забору и режут рабицу. Потом, по команде, первая двойка дымами всё максимально закидывает и начинает обстрел, а мы на рывок, на вход, кто-то через люк, часть через лаз в заборе. Главное – на территорию для начала попасть и закрепиться, а затем остальным группам дать зайти.

– Варианты есть? – спросил Женька.

– У меня нет.

– Тогда давай попробуем.

Тимофей оглядел нас четверых и, вздохнув, произнёс:

– Тогда вы первые.

– Во кандец! А чего мы то? – возмутился Чек, – Смотри, сколько у тебя орлов-бобров, – и кивнул в сторону развалившихся кто где отдыхающих бойцов.

– Не смей меня: молодые, зеленые, отчасти тупорогие, ладно хоть короны по дороге растеряли. Могу я пойти, тогда ты за «комка» останешься.

– Чё за радость, – отмахнулся Чек.

Женька вздохнул. Тимофей был прав. Из имеющих боевой опыт здесь были мы да он. Остальные достались ему волей жребия. Командовать этой сборной солянкой «гражданского ополчения» дело сложное и бестолковое.

– Ладно. Уговорил. Только назначь людей, ответственных за фланги и тылы. Да покрепче проинструктируй – чтоб, когда в атаку пойдут, нас не перестреляли.

Тот кивнул, еще раз отхлебнул из фляжки и начал переговоры по рации. Мы стали собираться, разминая ноги и подтягивая амуницию.

– Ну всё, добро, подойдете поближе, дадите знать. Десантура в это время начнет шуметь. Есть у них какие-то подарки, – сказал Тимофей.

– Слышали мы их подарки, – пробормотала я, рукой указывая направление нашего будущего прорыва, – мы вон там будем. И посмотрев ему в глаза, неожиданно даже для себя, серьезно спросила:

– А что ты чувствуешь, командир, когда друзей на верную смерть посылаешь?

Тимофей, пожал плечами:

– Потом чувствовать буду. Сейчас приказ выполнять надо. От взятия этого завода всё зависеть будет. Готовы?

– Так точно, – отчеканил Женька.

И мы, по возможности скрытно, выдвинулись к месту предстоящего броска.

Удача в этот раз оказалась на нашей стороне. Под грохот, стрельбу и крики, которые нам обеспечили другие группы, мы и люк аккуратно открыли, и не привлекая к себе внимания вылезти смогли, проволочный забор в нескольких местах кусачками продрали и метки сделали. Затем под жирно зачадившие дымы дали команду на штурм. А вот дальше всё пошло сложнее. Обороняющиеся быстро рассредоточились на наше направление, и начался бой местного значения. Постепенно территорию мы взяли. Тяжело, с потерями, но закрепились, не давая сильно высунуться стрелкам с той стороны. Тимофей уже орал в рацию о возможности входа другим группам. Еще немного, еще чуть-чуть, и рванем с парнями на штурм здания. Адреналин клокочет. Расцарапанная щека саднит. Горло пересохло. Воды бы. Вдавливая очередь по силуэту в окне. Быстро меняю пустой магазин. Внутри начинает сжиматься пружина действия. Достаю гранату. На входе будет самое то! Вот еще минута и...

– Ты убита, – шепнула незнакомая девушка мне на ухо и прикоснулась к моей шее холодной сталью.

Как же так? Как такое могло произойти?

Задыхаясь от неприятия, непонимания, оборачиваюсь. Бойцы, кто был за мной, также убиты. Не смотрят, прячут взгляд. И злоба во мне поднимается вместе с осознанием случившегося. Нам зашли с тыла! Классика. А смерть, в облики нескольких диверсантов – двух парней и девушки – идет вперед, убивая моих друзей и тех, с кем свела эта масштабная страйкбольная игра, где сошлось около тысячи человек, среди которых есть люди с реальным боевым опытом и простые гражданские. По принятым правилам, если ты убит, то даже крикнуть не можешь, не имеешь права. Вот так, молча, я стояла и смотрела, как умерли Чек и Жека, как растеряно заморгал Артем, как в бессильной ярости сплюнул под ноги Тимофей. Всё по правилам настоящей войны – мертвые друзья встречают павших. Всего три человека, ловко зашедших со спины, смогли вновь качнуть ситуацию в пользу своих на этом, пусть игрушечном, но фронте.

Мы молча, угрюмо, размышляя об одном и том же, бредем в мертвецкую. До нее далеко, около двух километров, и у нас есть время подумать. За этот день мы здорово продвинулись и дошли почти до финиша, но решающий исход этой войны, цель – укрепрайон – теперь будут брать другие. Более удачливые.

Впереди, посмеиваясь и незлобно перебранываясь, идут парни, в модных новых камках, в красивых зарубежных берцах и необтрёпанных разгрузках, они нелепо помахивают автоматами, держа их за цевьё, и беззаботно рассуждают о том, куда им поехать попить пивка. Это они должны были защищать наши тылы.

Наверное, со стороны видно, как я начинаю закипать, так как меня за рукав одергивает Жека, внимательно смотрит в глаза и говорит уставшим спокойным голосом:

– Не трогай их. Они гражданские. Офисный планктон. Для них война – игра. А смерть – повод поехать попить холодного пива.

Я поворачиваюсь к шагающему рядом подавленному недавними событиями Артему, которому через месяц предстоит идти в армию, и зло говорю:

– Последний урок, боец. Ты можешь быть профессионалом, ты можешь быть патриотом, ты можешь быть дерзким, ловким и умным, но если спину тебе прикрывают уроды – итог будет печальным.

2015 год.